

КАВКАЗЪ,

ТИФЛИССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

1856

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

За газету Кавказъ, казенныхъ прибавлений 9 р.
 Съ казенными прибавлениями 12 р. 50 к.
 За один казенный прибавлений . . . . . 5 р.
 Съ частныхъ объявлений, помѣщаемыхъ въ газетѣ, взимается по 1/4 коп. серебромъ съ буквы.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:
 Въ Тифлисѣ: въ Редакціи, находящейся при Типографіи, что на Александровской площади; а также въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С.-Петербурбѣ: въ Конторѣ газеты «Кавказъ», при книжномъ магазинѣ почт. граж. В. П. Печаткина, и въ Газетной Экспедиціи. Въ Москвѣ: въ Газетной Экспедиціи московскаго почтамта. Въ губерніяхъ: въ Губернскихъ Почтовыхъ Конторахъ.

СОДЕРЖАНІЕ:
Внутреннія извѣстія. Высочайше приказъ по военному вѣдомству отъ 6—7 мар. и о чинахъ гражд. 26 февр.—4 мар.
Кавказская дѣтщина. Кизляръ.
Иностранныя извѣстія. Англій. Франціи. Австріи. Турціи. Новѣйшія извѣстія.
Литературный отдѣлъ. О домашнемъ спектаклѣ 24-го февраля.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.
ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.
 по отдѣльному кавказскому корпусу и войскамъ къ нему прикомандированнымъ.

Марта 6-го дня 1856 года. Производится: *За отличие въ сраженіи противъ Турокъ, Англичанъ и Французовъ.* По Иррегулярнымъ войскамъ. Командиръ Донскаго Казачьяго № 57-го полка. Подполковникъ *Ташинъ*, въ Полковникъ, съ оставленіемъ въ настоящей должности. *За отличие по службѣ.* По Артиллеріи. Командиръ 20-й Артиллерійской бригады, Полковникъ *Левинъ*, въ Генералъ-Маіоры, съ назначеніемъ Командиромъ Кавказской Резервной Гренадерской бригады. Назначаются: По Кавалеріи. Драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка Подполковникъ *Моллеръ 5-й*, Альтантомъ въ Генералъ-Губернатору Восточной Сибири и Командующему войсками, въ оной расположеннымъ, Генералъ-Лейтенанту Муравьеву 3-му, съ зачисленіемъ по Армейской Кавалеріи. По Пѣхотѣ. Лейбъ-Карабинернаго Эриванскаго Его Величества полка Полковникъ *князь Тарханъ-Моуравовъ 2-й*, Командиромъ Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка, на мѣсто Полковника *князя Тарханъ-Моуравова 1-го*, который зачисляется по Армейской Пѣхотѣ, съ назначеніемъ состоять при Отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ. Опредѣляется въ службу. Уволенный изъ Прапорщиковъ Мисскаго Пѣхотнаго полка Подпоручикомъ, *Молчановъ*, въ Дагестанскій Пѣхотный полкъ, прежнимъ Прапорщикомъ чиномъ. Увольняется *въ отпускъ, для излеченія болѣзни, отъ ранъ полученной, на шесть мѣсяцевъ.* Рязанскаго Пѣхотнаго полка Прапорщикъ *Подгоревскій*, въ города: Москву и Калугу. Бѣлевскаго Егерскаго полка Подпоручикъ *Баронико*, въ Московскую губернію. Продолжается *срокъ отпуску, за границу, на шесть мѣсяцевъ.* Драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка Штабсъ-Капитану *Менделю*. Увольняется отъ службы за болѣзнию. По Ливійнымъ батальонамъ. Грузинскаго № 6-го, Штабсъ-Капитанъ *Спиродъ*, Капитаномъ. Кавказскаго № 3-го, Маіоръ *Краузе*, Подполковникомъ, — оба съ мундиромъ и съ пенсіонами полнаго жалованья.

Марта 7-го дня. Увольняется *за болѣзнию.* По Пѣхотѣ. Состояніе по Армейской Пѣхотѣ: Дежурный Штабъ-Офицеръ Штаба Начальника Черноморской Береговой линіи, Полковникъ *Мироходскій*, Пятигорскій Плацъ-Адъютантъ, Штабсъ-Капитанъ *Турдаковскій*, Капитаномъ, — оба съ мундиромъ и съ пенсіонами; первый полнаго оклада, опредѣленнаго Уставомъ 6-го декабря 1827 года, а послѣдній полнаго жалованья.

Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству о чинахъ гражданскихъ, февраля 26-го, производится *за выслугу лѣтъ: изъ Коллежскихъ Ассессоровъ въ Надворные Советники.* Чиновникъ для порученій Тифлисской Комиссаріатской Комиссіи *Шпиллеръ*, о старшинствомъ съ 29-го апрѣля 1855 года. Увольняется отъ службы: *за болѣзнию.* По части Комиссаріатской. Чиновникъ для порученій Ставропольской Комиссаріатской Комиссіи, Надворный Советникъ *Губановъ*. Бухгалтеръ Георгіевскаго военнаго госпиталя, Коллежскій Регистраторъ *Тимофѣевъ*. Ушедшій исключается изъ списковъ. Аудиторъ Кавказскаго Ливійнаго № 12-го батальона, Титулярный Советникъ *Лихинъ*.

Марта 4-го дня. Производится: *За отличие по службѣ: — изъ Титулярныхъ Советниковъ въ Коллежскіе Ассессоры.* Оберъ-Аудиторъ Управленія Начальника Черноморской Береговой линіи *Трубачевъ*. *За выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ Коллежскихъ Секретарей въ Титулярные Советники.* По части Инженерной. Инженерныхъ командъ. Унтеръ-Цейхвартеры: Бакинскій — *Пошиновъ*, съ 23-го сентября 1855 года. *Изъ Губернскихъ въ Коллежскіе Секретари:* Тифлисскій — *Михайловъ*, съ 7-го декабря 1855 года. *Изъ Титулярныхъ Советниковъ въ Коллежскіе Ассессоры:* Ставропольской Комиссаріатской Комиссіи Секретарь Общаго Присутствія *Романовскій*, съ 31-го декабря 1855 года. *Изъ Коллежскихъ Секретарей въ Титулярные Советники.* Комиссаръ Темиръ-Ханъ-Шуриискаго военнаго госпиталя *Черняевъ*, съ 29-го ноября 1855 года. *Въ Коллежскіе Регистраторы:* Фельдшера: Военныхъ госпиталей: Тифлискаго — *Буцаевъ*. Фанагорійскаго: *Митрохинъ, Левенко и Романенко.* Ей-

скаго военно-временнаго госпиталя *Безумовъ*. Навагинскаго Пѣхотнаго полка *Высоцкій*, все съ назначеніемъ Лекарскими Помощниками въ настоящихъ мѣстахъ ихъ служенія. Переводится. По части Провіантской. Секретарь Ковельскаго Узданаго Суда. Губернскій Секретарь *Кучковскій*, въ Ставропольское Полевое Провіантское Комиссіонерство, Провіантскимъ Комиссіонеромъ. Увольняется отъ службы: *За болѣзнию.* По части Инспекторской. Унтеръ-офицеръ Апшеронскаго Пѣхотнаго полка *князь Макаевъ* съ награжденіемъ чиномъ Коллежскаго Регистратора. По части Провіантской. Провіантскій Комиссіонеръ Ставропольскаго Полеваго Провіантскаго Комиссіонерства, Надворный Советникъ *Крыжановскій*, съ мундиромъ.

КАВКАЗСКАЯ Л. ТОПЕСЬ.

Кизляръ. (Искіево въ Редакцію). Чувства глубокой скорби и восторженной радости, испытанныя 18 и 19 числа февраля текущаго года, такъ были знаменательны въ скромной жизни нашего города, что я счелъ своею обязанностью написать объ этомъ нѣсколько строкъ въ вашу газету. Начну словами нашего великаго поэта, что «*ледъ и пламень, вода и камень*» едва-ли могутъ быть такъ диаметрально противоположны между собою, какъ эти два дня — *восемнадцатое* и *двадцатое* февраля. И въ самомъ дѣлѣ! въ одинъ изъ нихъ сошелъ съ Престола Царя земнаго къ подножію Престола Царя Небеснаго нашъ возлюбленный, незабвенный Императоръ Николай Павловичъ; въ другой взшелъ на Всероссійскій Престолъ достойный Преемникъ, Августѣйшій Сынъ Его, Императоръ Александръ Николаевичъ, въ которомъ Царство Русское и миллионы русскихъ сердець привыкли всегда видѣть будущаго Отца своего и Монарха. Вчера заупокойная панихида, черное облаченіе, потрясающая душу «*вѣчная память*», слезы и глухія рыданія печальныхъ Россіянъ. *Сегодня* благодарственное молебствіе, благозвучная одежда священнослужителей, радостныя лица молящихся, энергическое «*многая лѣта*» въ храмѣ Божіемъ, и восторженное «*ура*» подъ сводомъ небеснымъ! — По замѣчательному совпаденію дня поминовенія усопшихъ родителей и сродниковъ со днемъ кончины Императора Николая Павловича, — вчера, съ самаго ранняго утра, народъ толпами шелъ въ Казанскій соборъ, шелъ на печальный обрядъ поминовенія отцевъ, матерей и сродниковъ, и общаго, великаго, роднаго по сердцу Отца Россіи, вѣчно незабвеннаго Императора Николая I-го. Въ 9 часовъ утра началась литургія. Все, что представлялось взорамъ присутствующихъ, носило на себѣ отбѣнокъ глубокой скорби: напой, покрытый чернымъ сукномъ, траурныя ризы духовенства, омраченныя горестію лица, печальные напѣвы; самый небосклонъ, покрытый сѣрыми свѣговыми тучами, — все безъ словъ говорило о грусти. По окончаніи литургіи, кизлярскій благочинный протоіерей Ѳеодоръ Поспѣловъ сказалъ слово на тексты: «*Блаженнии умирающіи о Господѣ.*» Эта бесѣда напомнила намъ; тяжкую болѣзнь Великаго Покойника, безпредѣльную любовь Егъ къ Россіянамъ, послѣднюю заботливость Его о защитникахъ вѣры, Царя и Отечества, душевную благодарность войскамъ за ихъ мужество; христіанское смиреніе, съ которымъ Онъ благодарилъ всѣхъ, любившихъ Его, и просилъ у всѣхъ прощенія; трогательную и вѣчную разлуку Его съ Царственнымъ Своимъ Семействомъ, великодушную встрѣчу смерти и просьбу, чтобы Россіянѣ молились о душѣ Его! — «*Исполнишь же и сладостное желаніе сердець нашихъ, христіане, и послѣднюю волю въ Бозѣ почившаго Императора! Помолимся Господу объ упокоеніи великой души Его!*» — этими словами заключилъ свою бесѣду нашъ пастырь, и затѣмъ началась панихида. Много слезъ пролито во время панихиды, много тяжкихъ вздыханій вылетѣло изъ сердець присутствующихъ! Но когда раздались печальные звуки «*вѣчная память!*», то всѣ пали ницъ предъ алтаремъ Божіимъ и глухія рыданія смѣшались съ погребальнымъ пѣніемъ. По окончаніи панихиды о. Ѳеодоръ предложилъ прихожанамъ печальную трапезу, приготовленную среди церкви на черномъ наполь, для поминовенія, по обычаю христіанскому, отшедшей ко

Господу души раба Его Императора Николая I-го! И пишущій эти строки, за скорбною трапезой, внутренно молился, повторяя слова, которыя со дня роковаго извѣстія о кончинѣ Незабвеннаго, сдѣлались моею молитвою: «*Миръ Тебѣ, Монархъ возлюбленный! въ достопамятной и прекрасной жизни Своей Ты умѣлъ сочетать въ одну высокую гармонію Особы Твоей: Монарха великаго, христіанина благочестиваго, человека благодѣтельнаго, отца чадолюбиваго, друга великодушнаго, героя мужественнаго! Миръ Тебѣ! да воздастъ одному Тебѣ Царь Царей то, что въ жизни Своей, прекрасной и великой, воздалъ Ты многимъ миллионамъ дѣтей Твоихъ! Да приметъ Всевышній прекрасную душу Твою въ Свои Божественныя объятія, какъ въ заслуженное Тобою лоно! Да передастъ Онъ, Милосердый, всѣ доблести души Твоей, ума и сердца Твоему Августѣйшему Сыну, Императору Александру Николаевичу! Да возсоздастъ Господь Отца въ Сытъ, какъ сокрытое въ землю прекрасное сѣмя возрождается въ новомъ, цвѣтущемъ колѣсѣ!»*

Настало *двадцатое* число февраля: это былъ царственный день христіанской педѣли — *Воскресенье*. Солнце, котораго мы не видали болѣе двухъ педѣль, радостно освѣтило горизонтъ нашъ, какъ бы пріивѣтствуя день восшествія на Всероссійскій Престолъ Того, о Комъ великій и незабвенный нашъ Покойникъ сказалъ пророчески, передъ кончиною: «*Сынъ Мой замѣнитъ Меня!*» Тотъ же народъ, который шелъ вчера съ поникшими головами, теперь собирався въ храмъ Божій для молитвъ о благодѣтствіи юнаго Монарха Россіи. — Во время торжественныхъ звуковъ многолѣтня, всѣ, приложившись ко Кресту, радостно пріивѣтствовали другъ друга и поздравляли съ *первымъ* высокоторжественнымъ днемъ восшествія на престолъ Его Императорскаго Величества. По выходѣ изъ церкви, нижніе чины 3-й, 4-й и пѣвальной роты Кавказскаго ливійнаго № 13-го батальона, предъ квартирою кизлярскаго коменданта, отъ усердія чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ были угощены водкою и закускою. Каждый изъ угощающихъ выставлялъ солдатскую крышку водки за здоровье Государя Императора, поздравлялъ кавказскихъ молодецъ-солдатъ съ радостнымъ днемъ, и взрывъ оглушительнаго «*ура!*» и отъ угощавшихъ и отъ угощаемыхъ, былъ восторженныкъ отбѣтомъ на каждое поздравленіе. Распорядителемъ этого угощенія былъ чиновникъ Павелъ Ивановичъ Асламовъ. Затѣмъ нашъ добрый и всѣмъ уважаемый начальникъ, подполковникъ Антонъ Венедиктовичъ Шлявскій, пригласилъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ Кизляра къ обѣду, за которымъ, при звукахъ русскаго народнаго гимна: «*Боже, Царя храни*» и задушевныхъ кликахъ «*ура*», былъ выпитъ завѣтный тостъ за здравіе Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома.

Николай Красовцкъ.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Англія. (J. de St.-P.) Лондонъ, марта 8-го. Любопытны отзывы англійскихъ газетъ о рѣчи императора Французовъ. Газета Morning-Post порежена совершеннымъ сходствомъ намѣреній и видоу двухъ великихъ западныхъ державъ, о которомъ свидѣтельствуетъ эта рѣчь. Это тѣмъ утѣшительнѣе, говоритъ она, «*что, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, не только по всей Европѣ, но и по ту сторону Океана были распространены болѣе или менѣе сомнительныя слухи, по которымъ образъ мыслей и намѣренія Франціи и Англіи не сходствовали между собою относительно вопроса о мирѣ и его необходимости.* Говорили, будто Лудовикъ-Наполеонъ не хотѣлъ слѣдовать до конца политикѣ кабинета лорда Пальмерстона. Рѣчь императора опровергаетъ эти слухи самымъ рѣшительнымъ образомъ. Рѣчь эта, въ той части ея, гдѣ обсуждается великій современный вопросъ, могла быть написана самимъ лордомъ Пальмерстономъ. Во всей исторіи, конеч-

но, нѣтъ другаго примѣра столь совершеннаго согласія, столь тѣснаго и сердечнаго союза двухъ кабинетовъ, идущихъ къ одной общей цѣли столь чистосердечно и столь ровнымъ шагомъ... Подобныя выраженія безспорно свидѣтельствуютъ о братскомъ союзѣ двухъ народовъ и объ искренности этого союза. Парижскій и лондонскій кабинеты пойдутъ согласно, твердо и неразрывно къ предполагаемой ими цѣли, для которой объ державы предприняли исполнительную борьбу». Газ. Morning-Herald не раздѣляетъ этого мнѣнія; по ея отзыву, замѣчательная рѣчь императора Французовъ, конечно, искренна и правдолюбива, но тѣмъ не менѣе проникнута французскимъ духомъ. «Императоръ взываетъ въ ней къ рыцарскому духу Франціи, краснорѣчиво и широкими чертами изображаетъ славу французскихъ войскъ и ихъ недавніе подвиги. съ достоинствомъ объявляетъ, что, въ случаѣ надобности, Франція не откажется отъ новой борьбы, и, не колеблясь, обязывается дѣлить съ своими союзниками славу и жертвы. Но среди всего этого, ошутительно безмолвное сознание, что Франція истощена своими усиліями. Мы знаемъ это. Мы знаемъ, что, благодаря слабому правительству, способности Англіи расточены безъ пользы и славы, и что потому Франція, ея союзница, должна была нести на себѣ несравненно болѣшую часть тягостей и усилій, дѣлающихъ нынѣ миръ необходимымъ. Рѣчь императора свидѣтельствуетъ, что, хотя Франція отвѣчала мужественно, если не съ восторгомъ, на воззваніе къ ея богатству и матеріальнымъ способамъ, все-таки настало время, когда необходимость принять на себя огромныя тягости и жертвы сдѣлала миръ пріятнымъ для всѣхъ. Таково положеніе, въ которое поставлена Франція неопытностью и невѣдѣніемъ англійскаго правительства. Не говоримъ, чтобы наши союзники готовы были принять унижительный миръ, но откровенно спрашиваемъ, стали бы мы, если бы насъ предоставили самимъ себѣ, вести переговоры, какъ дѣлаемъ это теперь, если бы не существовали причины, раскрытыя недавними пріемами Палаты?»

— (N. Pr. Z.) Марта 5-го королева посѣтила еще дымящуюся развалины Ковентгарденскаго театра. Содержатель этого театра, г. Гей, возвратившійся между тѣмъ изъ Парижа, куда ѣздилъ на время, принявъ ея величество и водилъ по сгорѣвшему зданію. Опираясь на его руку, королева ходила по уцѣлѣвшимъ лѣстницамъ, и наконецъ подошла къ такому мѣсту, гдѣ передъ нею открылось что-то въ родѣ глубокой пропасти. Кругомъ господствовала торжественная тишина. Обширность зданія, высокія стѣны, на которыхъ еще уцѣлѣли нѣкоторыя архитектурныя украшенія, амфитеатральная форма зданія, ряды пиластровъ, нѣкогда поддерживавшихъ внутренняго построения, все это въ совокупности сообщало театру что-то сходное съ дивнымъ видомъ Колизея. Королева нѣсколько минутъ молча смотрѣла на эту картину опустошенія; а между тѣмъ кое-гдѣ, по временамъ, трещали обваливающіяся балки, слышно было капанье воды, видно, въ нѣкоторыхъ углубленіяхъ, непогашенное еще пламя. На возобновленіе этого театра потребуется очевидно много времени, потому что и оставшіяся еще стѣны надобно будетъ сломать и замѣнить новыми.

Франція. (J. de St.-P.) Парижъ, марта 9-го. Въ письмахъ изъ Парижа, помѣщенныхъ въ бельгійскихъ журналахъ, сообщаются слѣдующія извѣстія: «Вчера было шестое засѣданіе конгресса. Въ Парижѣ начинаютъ уже не слишкомъ заботиться о конференціяхъ; по этому случаю можно привести извѣстную поговорку: Point de nouvelles, bonnes nouvelles (нѣтъ ничего новаго, добрая новость). Если вѣрить слухамъ, то хотя переговоры идутъ медленно, зато рѣшенія, на нихъ постановляемыя, прочны. Нѣтъ никакихъ причинъ опасаться, чтобы совѣщанія эти кончились неблагопріятно, и нечего бояться того, что частности, о которыхъ происходятъ переговоры, требуютъ серьезнаго обсужденія.—Тѣмъ не менѣе французское правительство, что доказывается и сегодняшнимъ Мониторомъ, занимается военными дѣлами, на случай продолженія борьбы».

— Газетъ Nord пишутъ изъ Парижа, отъ 9-го марта: «Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я сообщилъ вамъ, что со времени открытія конференцій, дѣла идутъ все лучше и лучше. Теперь могу прибавить, что не только заключеніе мира можно полагать почти вѣрнымъ, но что оны и послѣдуетъ еще скорѣе, нежели вообще ожидаютъ.—Многіе признаки ежедневно усиливаютъ увѣренность въ благопріятномъ исходѣ переговоровъ. Я нѣ-

сколько разъ доказывалъ, что Франція, даже и послѣ объявленія объ открытіи переговоровъ, не менѣе Англіи продолжала готовиться къ войнѣ на всякій случай. Я увѣдомлялъ также васъ на дняхъ объ отданномъ приказѣ придвинуть къ берегамъ Средиземнаго моря нѣкоторыя войска.—Теперь мнѣ сообщаютъ, что дѣйствительно въ Тулонѣ и Марсели собрано 20,000 человекъ пѣхоты, и что въ гаваняхъ обонхъ этихъ городовъ стоятъ пароходы, готовые по первому знаку отвезти эти войска на востокъ. Однакожъ, хотя все готово, приказа къ отправленію войскъ все еще не даютъ. Мнѣ сообщили сверхъ того о нѣкоторыхъ приказахъ военнаго и морскаго министровъ остановить разныя приготовленія: все это доказываетъ, что французское правительство считаетъ уже почти ненужнымъ заниматься предположеніями, противъ которыхъ такъ еще недавно, для соблюденія достоинства Франціи и согласно съ совѣтами благоразумія, несомненно было принимать сильныя предосторожности.—Въ гостинныхъ никто не приступаетъ къ уполномоченнымъ съ разспросами о происходящемъ на конференціяхъ. Всѣ понимаютъ, что такъ какъ уполномоченные обязались не разсказывать о своихъ совѣщаніяхъ ничего, то подобныя разспросы могутъ почти обидѣть ихъ. Впрочемъ, повсюду внимательно и съ крайнимъ любопытствомъ наблюдаютъ за выраженіемъ лицъ уполномоченныхъ, за ихъ взаимнымъ обращеніемъ, замѣчаютъ веселы ли они или задумчивы; случается даже иногда, что нѣкоторыя лица, обидимыя своимъ положеніемъ въ свѣтѣ или сношеніями съ кѣмъ нибудь изъ уполномоченныхъ, спрашиваютъ у нихъ довольны ли они общимъ ходомъ дѣлъ. Замѣчено, что на эти вопросы, внушаемые весьма извинительнымъ любопытствомъ, уполномоченные всегда отвѣчаютъ весело и пріятно, а это подаетъ поводъ заключить, что нерасположенія нѣтъ ничего. За этими неопредѣленными указаніями гонятся по причинѣ совершеннаго отсутствія непосредственныхъ и положительныхъ свѣдѣній.»

— (J. de St.-P.) Приготовленіемъ актовъ, которые будутъ нужны при подпискѣ мирнаго трактата, занимается г. Фелье-де-Коншъ, начальникъ отдѣленія протоколовъ во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.—Морское министерство не перестаетъ съ величайшею дѣятельностью заниматься вооруженіемъ флота. Винтовой корабль la Bretagne, недавно спущенный въ Брестѣ, совершилъ успѣшно свой пробный рейсъ изъ Бреста въ Тулонъ. На тулонскихъ веряхъ достраиваютъ два большіе винтовые корабля Algésiras и Eylau, и два паровыхъ фрегата: Isly и Impératrice Eugénie.»

— (J. des Déb.) Въ Мониторѣ обнародованъ декретъ, которымъ предписана мѣра, важная въ литературномъ и ученномъ отношеніи. Мѣра эта состоитъ въ томъ, чтобы собрать и напечатать творенія древнихъ французскихъ поэтовъ. Предлагаемый сборникъ будетъ состоять изъ сорока томовъ, въ каждомъ томѣ 60,000 стиховъ. Въ немъ будутъ заключаться всѣ древніе памятники французской національной поэзіи, именно: поэмы героическія и рыцарскія, поэмы древне-священныя и свѣтскія, романы, содержащіе разныя похождения, стихотворенія сатирическія и аллегорическія, поэмы историческія и драматическія, поэмы, кантинки, пѣсни, сказки и басни. Планъ и подробности этого изданія изложены въ донесеніи, представленномъ императору министромъ народнаго просвѣщенія. Въ этомъ донесеніи изъяснены и причины, по которымъ министръ считаетъ эту мѣру полезною.

Австрія. (Nord.) Въ Австрійской Газетѣ пишутъ: «По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Парижа, Англія приняла на конференціяхъ совершенно не такое положеніе, каковаго до сихъ поръ ожидали отъ нея. Она не противопоставляетъ болѣе своихъ частныхъ интересовъ континентальнымъ, не добивается исполненія выгодныхъ для нея проектовъ, вредныхъ для другихъ, не разсчитываетъ предполагаемыхъ результатовъ по ложному масштабу, котораго частое употребленіе навлекло ея дипломатіи прозвище корыстной.—Мы не думаемъ, чтобы Англія перемѣнила свою политику, но политика интересовъ, развившаяся преимущественно въ этомъ государствѣ, есть наука практическая, которой правила, сообразныя съ современными потребностями, измѣняются согласно съ опытами временъ минувшихъ.—Опасности, какими корыстная политика Англіи угрожала континентальнымъ державамъ, могли быть отвращены только такою же политикою, таковы же направленіемъ, принятымъ всѣми вмѣстѣ континентальными націями. Континентальная политика, послѣ опытовъ, искупленныхъ дорогою цѣною, сдѣлала такіе

же успѣхи, какіе совершили торгующія и промышленныя континентальныя державы.—Англія имѣетъ достаточную разсудительность, чтобы понять, что ей приходится поладить съ противникомъ, какъ скоро она убѣдится въ превосходствѣ его силъ. Многочисленныя, непрерывно возобновляющіяся ссоры континентальныхъ державъ одиѣ сообщали Англій, доставляя ей союзниковъ, которые противъ воли своей и даже безсознательно ратовали за англійскіе интересы.—Теперь всѣ національныя, религіозныя и политическія соперничества прекратились: народы убѣждены, что ихъ выгоды заключаются во взаимномъ согласіи. Англія, со свойственнымъ ей благоразуміемъ, поняла наступленіе новой эры; ей надо было выбирать или совершенное отчужденіе отъ Европы, или сообщество съ нею. До открытія конференцій англійскій кабинетъ не зналъ еще, на что ему рѣшиться. Онъ еще не разгадалъ согласія всѣхъ стихій континентальной политики.—Уже во время конференцій англійскіе государственные люди замѣтили выгодное положеніе, въ какое поставила себя Россія своею готовностью пожертвовать нѣкоторыми интересами своими великой цѣли всеобщаго примиренія. Не смотря на требованія, какими старались раздражить Россію, она сохранила свое спокойное, хладнокровное положеніе. Она пожертвовала второстепенными предметами, имѣвшими цѣну въ глазахъ устарѣлыхъ политиковъ, для сохраненія важныхъ благъ, упрочиваемыхъ за нею ея географическимъ положеніемъ и богатствами, скрывающимися въ недрахъ ея почвы. При видѣ этой новой политики Англія почувствовала себя обезоруженною, и для охраненія своихъ интересовъ должна была прибѣгнуть къ инымъ соображеніямъ.»

Турція. (Ind. V.) Изъ Марсели сообщаютъ слѣдующія извѣстія изъ Константинополя по 28-е февраля: «Паровой австрійскій фрегатъ «Радецкій» прибылъ туда съ австрійскимъ полковникомъ, который привезъ предложенія, относящіяся къ устройству дунайскихъ княжествъ.—Диванъ призвалъ патриарховъ разныхъ исповѣданій и предписалъ имъ привести немедленно въ исполненіе реформы, предписанныя извѣстнымъ гатти-шерифомъ.—Съ своей стороны, министръ финансовъ пригласилъ всѣхъ торговцевъ условиться для предотвращенія торговаго, финансоваго и монетнаго кризиса.—20-го февраля Омеръ-паша прибылъ въ Тривизондъ. Онъ собирался ѣхать въ Константинополь для отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и для постановленія условій, на какихъ онъ согласится остаться въ службѣ порты.—Въ Крыму союзники продолжаютъ устраивать баракы. Въ Константинополь Англичане изучаютъ способъ располагаться лагеремъ, къ которому хотѣтъ прибѣгнуть въ азіатской кампаніи.—По 28-е февраля султанскій гатти-шерифъ еще не былъ читанъ въ греческихъ и армянскихъ церквахъ.—Приказаніе прекратить военныя дѣйствія отправлено къ Омеръ-пашѣ и къ Селамъ-пашѣ. Послѣдній отозванъ отъ своего поста.»

Новыя извѣстія.

(J. de S.-P.) Марта 16-го, десять часовъ утра (по телеграфу). Столицѣ Франціи возвышено сто однимъ пушечнымъ выстрѣломъ о рожденіи принца.

— (Nord.) Парижъ, марта 11-го. Не смотря на желаніе наше, пишутъ въ Indépendance Belge, сказать что нибудь новое о конференціяхъ, мы вынуждены, однакожъ, опять ограничиться увѣреніемъ, что все идетъ къ лучшему и что серьезныхъ затрудненій опасаться нечего, потому что теперь приступили уже къ обсужденію предметовъ второстепенной важности. «Но, скажутъ иные, если въ главныхъ пунктахъ уже условились, почему же Мониторъ не говоритъ объ этомъ ни слова? Почему правительства не обнародываютъ официально такого пріятнаго извѣстія?» Отвѣчать на это очень легко: правительства не могутъ по частямъ извѣщать публику о результатахъ конференцій. Мониторъ прекратилъ свое молчаніе, когда окончательный трактатъ будетъ подписанъ, или по крайней мѣрѣ совсѣмъ готовъ къ подписи.—Уполномоченные собирались 10-го марта на седьмое совѣщаніе. Они продолжаютъ еще сохранять въ тайнѣ все происходящее въ конференціяхъ; но судя по слухамъ, носившимся вчера въ политическихъ кружкахъ, надобно полагать, что обсужденіе нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросовъ отложено до того времени, когда будетъ окончательно подписанъ мирный трактатъ. Поэтому можно надѣяться, что официальное извѣщеніе о заключеніи мира послѣдуетъ скорѣе, нежели полагали тѣ, которые думали, что оно могло бы быть сдѣлано не прежде, какъ въ концѣ марта, или и еще позднѣе, съ тѣмъ только, что продолжать перемиріе».

— Въ Nord сказано: «По уверению нашего парижскаго корреспондента, заключение мира съ каждымъ днемъ становится болѣе и болѣе вѣроятнымъ. Очень можетъ статься, что на этой же недѣлѣ въ немъ окончательно условятся, особенно если справедливъ слухъ, что на конференціяхъ опредѣлили обсудить послѣ заключенія мира вопросы второстепенные, которые только замедлили бы рѣшеніе, всѣми нетерпѣливо ожидаемое, и составить о нихъ особенный дополнительный трактатъ.»

(Ind. B.) Телеграфическою депешей изъ Парижа, отъ 11-го марта, полученною въ Берлинъ, извѣщаютъ, что принцъ Иеронимъ опасно боленъ.

Лондонъ, марта 10-го. Изъ Лондона пишутъ во Всеобщую Лейпцигскую Газету: «Лорду Кларендону даны новыя инструкціи, составленныя въ духѣ болѣе примирительномъ. Правительство англійское рѣшилось на это, какъ слышно, вслѣдствіе настоятельныхъ представленій нѣкоторыхъ державъ, не участвующихъ на конференціяхъ. Можетъ быть, этимъ-то и объясняется отсрочка общаго нападенія на кабинетъ, которую намѣрена предпринять вся парламентская оппозиція. Опасаются, чтобы распушеніе Парламента не встревожило Европы, и чтобы продолженіе войны не подвергло опасности существующій во Франціи порядокъ вещей. Такое происшествіе могло бы отозваться во всей Европѣ.»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ВОСПОМИНАНІЕ О ДОМАШНЕМЪ СПЕКТАКЛѢ, ДАННОМЪ ВЪ ТИФЛИСѢ 24 ФЕВРАЛЯ.

Еще недавно, какъ русскія, такъ и иностранныя газеты, между извѣстіями съ театра войны, сообщали о импровизированныхъ представленіяхъ, дававшихся подъ открытымъ небомъ, актерами безъ претензій на искусство и въ виду зрителей, чуждыхъ всякой взыскательности, — о представленіяхъ, во время которыхъ перѣдко громъ багарей замѣнялъ звуки театральнаго оркестра.

Мы, которымъ судьба не послала завидной доли принимать непосредственное участіе въ послѣднихъ, славныхъ военныхъ событіяхъ, съ теплою вѣрою въ благость Всемогущаго Промысла и съ сердечнымъ желаніемъ успѣховъ войскамъ нашимъ, душою участвуя вездѣ съ ними, — мы невольно переносили мысль въ лагерь подъ Севастополемъ или подъ Карсомъ. Было отъ радио вообразить себѣ кружокъ нашихъ удалцовъ и поддѣлать на этихъ лицахъ, быть можетъ, за нѣсколько часовъ до того, оживленныхъ боевой отвагою и мужествомъ, улыбку, вызванную шуткою ротнаго балагура, устраивающаго комедію или драму, если не собственнаго сочиненія, то собственной перѣдѣлки Бога въѣтъ изъ чего, — комедію, ужъ конечно перѣдланную по благоусмотрѣнію находчиваго и ничѣмъ не стѣснявагося композитора. Такія представленія, бывъ далеки отъ какого-либо значенія въ сценическомъ отношеніи, краснорѣчиво свидѣтельствовали о величаво-спокойной уврѣнности въ своихъ силахъ людей, которые могутъ поощрять шуткамъ тѣ немногіе часы досуга, которые остаются имъ отъ неизбежныхъ лагерныхъ трудовъ, прерываемыхъ кровавыми подвигами. Только люди съ теплою вѣрою въ Бога и съ чистою совѣстью, и потому всегда готовые встрѣтить смерть лицомъ къ лицу, способны развлекаться шутками, будучи такъ близко отъ смерти; только люди, закаленные въ бою и всегда готовые встрѣтить его съ убѣжденіемъ въ правотѣ своего дѣла и съ глубокимъ сознаніемъ высокихъ чувствъ долга и чести, могутъ такъ легко отрѣшаться отъ недавнихъ сценъ мрачной стороны военнаго дѣла, — сценъ послѣ боя, и въ виду сотенъ непріятельскихъ орудій такъ спокойно взирать на будущее.

Но эти импровизированныя представленія подъ Севастополемъ и Карсомъ, доказывая стоническое мужество тѣхъ, которые принимали въ нихъ участіе, требовали только нѣкоторой находчивости. Мы намѣрены говорить о представленіи, недавно видѣнномъ нами при другой обстановкѣ и имѣющемъ совершенно иное значеніе.

24-го прошлаго февраля, въ пятницу на масляницѣ, топографами Роты № 3-го данъ былъ домашній спектакль. Обстоятельство это не имѣло бы никакого значенія, если бы упомянутый спектакль не служилъ новымъ подтвержденіемъ того, что для нравственнаго воспитанія юношей, и даже для развитія въ нихъ нѣкотораго эстетическаго чувства, не столько необходимы матеріальныя средства, какъ просвѣщенное къ нимъ вниманіе начальниковъ и руководителей ихъ по стезѣ образованія.

Спектакль былъ данъ въ комнатахъ, гдѣ помѣщается рота, т. е. въ третьемъ этажѣ зданія Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса. Роскоши въ этомъ случаѣ нельзя было ожидать и избалованный взоръ взыскательнаго посѣтителя напрасно искалъ бы даже обычнаго въ подобныхъ случаяхъ освѣщенія. Но вниманіе ко всему и вездѣ крайняя чистота бросались въ глаза съ перваго шагу. — Въ первой, довольно большой комнатѣ, кровати топографовъ, обыкновенно стояція рядами, были поставлены вдоль стѣнъ, такъ, что образовали собою какъ-бы рядъ дивановъ. Посѣтителей встрѣчалъ командиръ роты, майоръ Р. Н. А. Изъ первой комнаты они проходили на-право, въ комнату, предназначенную для спектакля. Ряды стульевъ и креселъ занимали ее почти всю, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ перваго ряда висѣла занавѣсъ — произведенія топографовъ; тѣмъ не менѣе, она располагала зрителя въ пользу того, что его ожидало за занавѣсью. Спектакль давался въ Тифлисѣ въ воображеніи рисовавшаго занавѣсъ, очевидно, не зачѣмъ было прибѣгать къ чуждымъ эффектамъ декораціи, чтобы прискать сюжетъ для картины. Довольно было взглянуть въ окно и привыкши за работу. Вы, конечно, угадали уже: на занавѣси видѣлись вершины скалистыхъ горъ, — неизбежная обстановка здѣшней природы, — утиравшихся въ синее небо, отъ нихъ ближе къ зрителямъ торчали скалы и скалы, между которыми мѣстами зеленѣли деревья, а за одною изъ скалъ были нарисованы, въ несомнѣнной удобной позиціи, въ чухѣ пеньянаго цвѣта и лезгинской папахѣ, громаднаго роста Черкесъ, наведшій свою винтовку прямо на послѣднюю изъ свѣчей, поставленныхъ близъ занавѣси, между ею и зрителями. Вся картина была исполнена довольно удачно. Было замѣтно, что не одиѣ сутки были употреблены на эту работу. На-лѣво, подлѣ самой занавѣси, помѣщались музыка; кажется, мы различили совершенно точно, не употребивъ въ настоящемъ случаѣ выраженія *горъ* или *оркестръ*, такъ-какъ тѣмъ или другимъ едва-ли можно назвать виолончель, двѣ скрипки, двѣ флейты, кларнетъ и барабанъ. Но это была музыка *своя*, т. е. музыкантами явились топографы же.

Начало спектакля было назначено въ 7 часовъ вечера. Къ этому времени кресла и стулья почти все уже были заняты. Постороннихъ посѣтителей было весьма немного. Можно сказать, что на этотъ спектакль собралась преимущественно своя, служебная семья, гг. офицеры Генеральнаго Штаба и Корпуса топографовъ и топографы. Между ними помѣщалось человѣкъ 10 дѣтей. Всего, кромѣ хозяевъ спектакля, — топографовъ роты № 3, было посѣтителей человѣкъ 80. Первое мѣсто, какъ старшему, безъ сомнѣнія принадлежало г. начальнику Военно-Топографическаго Отдѣла Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, генералъ-майору О. П. Ходзько. На послѣднемъ креслѣ втораго ряда взоръ невольно останавливался на генералѣ безъ руки: это бывший оберъ-квартирмейстеръ того же Кавказскаго Корпуса, недавно еще, на славныхъ поляхъ подъ Карсомъ, лишившійся лѣвой руки, горячо любимый и уважаемый бывшими его подчиненными, генералъ-майоръ П. Н. Броневскій.

Ровно въ 7 часовъ раздались первые звуки музыки. Дуэты изъ «Нормы» и изъ «Любви и ненависти» были исполнены весьма удовлетворительно. И здѣсь нельзя было не замѣтить, что независимо отъ способностей и расположенія къ музыкѣ, игравшими, вѣроятно, было употреблено не мало времени для того, чтобы достигнуть той степени согласія, съ которою были исполнены эти дуэты.

Въ афишѣ было объявлено, что будутъ даны четыре пьесы: драматическая быль въ одномъ дѣйствіи «Русскій человѣкъ добро помнитъ», водевилъ въ одномъ дѣйствіи «Вицъ-мундиръ», комедія-водевилъ, также въ одномъ дѣйствіи, «Средство выпогать волокитъ», и малороссійскій водевилъ «Чумаки-чародѣи».

Какъ видите, самыя названія избранныхъ пьесъ говорили уже въ пользу представленія. Не говоря о нравственномъ значеніи, въ выборѣ ихъ выразилось сознаніе силъ играющихъ и отсутствіе самонадѣянности и желанія громкихъ и извѣстныхъ именъ пьесы, несмотря на очевидную трудность ея исполненія, озадачить, а иногда и привлечь большее число посѣтителей, — недобросовѣстность, такъ часто повторяющаяся у артистовъ безъ дарованія и благороднаго самолюбія.

Поднялась занавѣсъ и взорамъ зрителей представилась комната отставнаго бригадира Свѣтловскаго. Но прежде, нежели перейдемъ къ оцѣнкѣ игры топографовъ, — на вечеръ 24-го февраля артистовъ, да позволено намъ будетъ послѣдовательно припомнить содержаніе названныхъ пьесъ.

Отставной бригадиръ Свѣтловскій, когда-то герой на поляхъ сраженій, доживаетъ вѣкъ въ своемъ помѣстьѣ. У него есть дочь Софья Ивановна, влюбленная въ гвардейскаго офицера, пользующагося его взаимностью и надѣющаяся выйти замужъ за своего возлюбленнаго. Между тѣмъ Свѣтловскій, склонясь на просьбы одного стараго пріятели, ругается за него своимъ имѣніемъ по какому-то казенному дѣлу. Пріятели разоренъ въ-концѣ, и мѣстныя власти являються описывать имѣніе Свѣтловскаго. Этой сценѣ предстоитъ пріобрѣтѣ къ старому бригадиру его сосѣдей: отца и сына Окульковыхъ, — невѣжъ, не имѣющихъ ни о чемъ понятія. Окульковъ-отецъ, узнавъ о положеніи дѣлъ своего сосѣда, вноситъ за него деньги и, такъ-какъ право быть введеннымъ во владѣніе имѣніемъ Свѣтловскаго переходитъ къ нему, то онъ является къ бригадиру сватать своего сына Митрофана за Софью Ивановну. При объясненіи объ этомъ Окульковъ оскорбляетъ Свѣтловскаго, свѣтуя ему кое-что утѣять при предстоящей описи имѣнія.

Честный бригадиръ, конечно, выпогаетъ Окулькова вонъ, и вслѣдъ затѣмъ являються земскія власти для описи. Свѣтловскій выдерживаетъ характеръ и проситъ только крестъ, полученный за отличіе на поляхъ брани, и шпагу, уже готовъ отдать все, какъ вдругъ является на сцену протѣжій купецъ Тома Томичъ Пудовиковъ. Пудовиковъ когда-то былъ крѣпостнымъ Свѣтловскаго и отпущенъ имъ на волю; теперь же онъ, — купецъ 1-й гильдіи, узнавъ въ чѣмъ дѣло и прилично выбравши Окулькова, вноситъ за своего бывшаго барина деньги. Онъ и выходитъ, что «русскій человѣкъ добро помнитъ.» Какъ и должно ожидать, Софья Ивановна, съ своей стороны, является героиней пьесы. Она твердо переноситъ несправедливостіе, постигшее отца, и узнавъ, что отецъ гвардейскаго офицера, освѣдомясь о разореніи, постигшемъ Свѣтловскаго, не соглашается на ея бракъ съ своимъ сыномъ, рѣшается сначала выдти за-мужъ за сына Окулькова. Пудовиковъ, уплативъ долгъ Свѣтловскаго, разстраиваетъ это и, кромѣ того, привозитъ съ собою и согласіе со стороны отца возлюбленнаго Софьи Ивановны на бракъ ея съ гвардейскимъ офицеромъ. Вотъ собственно содержаніе пьесы. Въ ней являються еще нѣсколько вводныхъ лицъ, таковы: Сидоръ Безстрашный, — старый инвалидъ, проживающій въ домѣ у Свѣтловскаго, деревенскій староста Архипъ и старикъ изъ крестьянъ. Все эти лица, крайне преданныя своему помѣщику, готовы жертвовать для него всея своимъ имуществомъ и даже изъявляютъ желаніе *принять въ дубѣ* застѣлата, подъячаго, цѣновничковъ и другихъ господъ, прибывшихъ для описи имѣнія, но конечно удерживаются отъ этого Свѣтловскимъ.

Мы не будемъ говорить о странномъ, исправникѣ, Безстрашномъ, Архипѣ, крестьянахъ, цѣновничкахъ, и проч. Вѣрнее желанію только передать сущность домашняго спектакля, бывшаго 24-го февраля, мы спѣшимъ обратиться къ сценѣ.

Передъ нами комната бригадира Свѣтловскаго. Съ перваго взгляда вы приходите къ вѣроятному заключенію, что находящіяся передъ вашими глазами декораціи взяты изъ театральнаго кладовой; но вы ошиблись. На вопросъ вашъ: откуда онъ? вы получаете отвѣтъ: здѣсь все *свое* и все сдѣлано топографами въ досужное время. Невольное «браво» на мгновеніе отвлекаетъ васъ отъ монолога Сидора Безстрашнаго, въ которомъ онъ разсказываетъ о томъ, что его старый командиръ когда-то, бывало, не трогалъ ни передъ Туркой, ни передъ Шведомъ, а теперь не знаетъ самъ, что дѣлать, и что его, Сидора, морозъ пробираетъ отъ головы до пятки, когда онъ подумаетъ, что скоро быть худу. — Вообще роль Сидора Безстрашнаго, можно сказать роль прекрасная, но неблагоприятная. Типъ старика-инвалида, доживающаго свой вѣкъ въ домѣ у своего стараго командира, которому инвалидъ преданъ всей душою, — типъ слишкомъ часто встрѣчаемый у различныхъ авторовъ, и потому роль, взятая на себя г. Лихачевымъ, не смотря на весьма удовлетворительную его игру, знаніе и пониманіе своей роли, не могла обратитъ на него особеннаго вниманія. Еще менѣе сочувствія и участія въ зрителяхъ могъ возбудить г. Соколовъ, въ роли деревенскаго старосты Архипа. Конечно, любовь и преданность крестьянъ, и въ главѣ ихъ Архипа, Свѣтловскому назидательны, и должно отдать справедливость г. Соколову въ томъ, что онъ постоянно былъ вѣренъ идеѣ, приданной его роли авторомъ; но деревенская простота и естественность формъ и крайняя ограниченность понятій, выведенная на сцену, могутъ быть интересны только своею оригинальностью, безъ чего роли, — если не выходятъ, то ужъ непременно кажутся пустыми, черезъ-чуръ монотонными и заставляютъ слушателей звать надъ *натуральностью*, слишкомъ хорошо извѣстною каждому.

Бригадиръ Свѣтловскій и дочь его Софья Ивановна выходятъ на сцену въ 3-мъ явленіи. Исполненіе пьесы могло бы нѣсколько выиграть, если-бы мѣсто г. Пенелыева, взявшаго на себя роль Софьи, роль эта была взята тѣмъ либо другимъ. Слишкомъ большой для женщины ростъ, мужское лицо, не совсѣмъ удачный костюмъ и басистый голосъ, вопреки усиліямъ не упускать изъ виду, что являющаяся передъ нами Софья есть «казарменный цвѣтокъ», возбуждали въ насъ, какъ и во многихъ, невольную улыбку. Въ этомъ отношеніи, нѣкоторыя мѣста пьесы были въ особенности невыгодны для г. Пенелыева. Такъ, напримѣръ: мѣсто, гдѣ старикъ Свѣтловскій, предположивъ вѣхать кататься, проситъ дочь принести ему шапку и палку, и на вопросъ Софьи: я съ вами, паненка? отвѣчаетъ: какъ-же, другъ мой! — и гдѣ Софья отъ радости прыгаетъ и говоритъ: «ахъ, какъ весело!» — мѣсто это не могло не вызвать невольной улыбки.

Но за всея тѣмъ г. Пенелыевъ, равно какъ и г. Кирпичниковъ, исполнившій роль Свѣтловскаго, играли вообще такъ, какъ дай Богъ всегда играть свои роли различнымъ провинціальнымъ артистамъ, думающимъ много о своей даровитости и талантахъ. Г. Кирпичниковъ не кричалъ, не усиливался копировать покойнаго трагика Каратыгина, не подражалъ съ оскорбительной неуваженіемъ голосу и жестамъ великаго артиста, котораго понимать дано было не всея и котораго передразнивать рискуютъ многіе, а игралъ естественно, по собственному уму-разуму, какъ ценилъ свою роль. Не-

смотря, однакожь, на неудачную дикцію и наружность, даже роль Свобы была сыграна не без интереса для зрителей. Г. Перелазевъ не заикался по случаю незнанія роли, не вставляя въ фразы лишннхъ словъ, что называется «ни къ селу ни къ городу», не прибѣгалъ къ кривляньямъ нахальныхъ горничныхъ, словомъ игралъ лучше, а главное причнне многихъ провинціальныхъ знаменитостей.

Роли отца и сына Окульковыхъ (гг. Щербаковъ и Феодотьевъ) были сыграны положительно хорошо. Правда, нужно замѣтить, что роли эти, относительно хорошаго исполненія, не представляютъ особенной задачи. Скотинныхъ и Митрофановъ такъ много, встрѣчи съ ними на долю каждаго выпадаютъ такъ часто, что, при самой обыкновенной наблюдательности, нельзя не подмѣтить свойственныхъ этимъ личностямъ особенностей. Въ роли г. Феодотьева (т. е. Окулькова-сына) болѣе невѣжества, позатовъ роли г. Щербакова встрѣчаются болѣе разнообразныя отгннки. Отецъ-Окульковъ пзконоклоненъ, нахаленъ и, при крайней перазвитости, имѣетъ притязанія на нѣкоторый оціалный доскъ. Это различіе ролей дало возможность г. Щербакову выказаться болѣе г. Феодотьева и доказать, что онъ серьезно обдумалъ свою роль и съ умньемъ могъ сыграть ее.

Роль Пудовикова была сыграна бойко, отчетливо и умно. Очень жаль, что на афишѣ не было выставлено имени играющаго эту роль. Съ минуты появленія и до послѣдняго слова Пудовиковъ былъ тѣмъ, чѣмъ желалъ создать его авторъ, т. е. русскимъ, бойкимъ, простымъ, но весьма умнымъ и добрымъ человекомъ.

Послѣднее явленіе, въ которомъ Пудовиковъ, сдѣлавъ доброе дѣло, заплативъ долгъ Свѣтловскаго, и тѣмъ выручивъ его изъ бѣды, объясняетъ кто онъ, и говоритъ: «Я Оомка Еремичъ, твой крестьянинъ, котораго ты отпустилъ 25-тъ лѣтъ тому въ Москвѣ, какъ я былъ въ Троицкомъ буфетничкомъ,—а ты, не взявши съ меня ни копѣчки, да еще золотой на разживу мнѣ далъ: вотъ онъ, вотъ, у меня здѣсь въ ладонкѣ. Господь благословилъ твое жалованье и труды мои праведныя.—Братъ Архипъ, здорово! Я те съ перваго разу узналъ, да при чужихъ говорить не хотѣлъ. Архипъ! здорово!» и далѣе: «Теперь ужъ я и первой гильдіи купецъ, и коммерціи совѣтникъ, и денегъ-то у меня много, и въ Питерѣ домъ, и у возможности входить мнѣ вездѣ открытый, а дуна-то моя все прежняя, мужицкая, простая,—какъ была въ то время, такъ и теперь. Эхъ ребята, для другихъ я Оома Оомичъ, а для барина да для васъ—Оомка запропащій!...» и наконецъ, когда на вопросъ Свѣтловскаго: «такъ не тебѣ ли я обязанъ и счастье моеи дочери? Чѣмъ заплачу тебѣ?»—Оомка отвѣчаетъ: «чѣмъ? Ты былъ вѣрный слуга Царю, ты былъ благодѣтель моему отцу и моеи матери. За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ. А другая пословица также правдива: «Русскій человекъ добро помнитъ!» Да погуби того Господь, да будь тотъ хуже басурмана нечистаго, кто добро старое позабудетъ. Ну, ладно ли я поступилъ? и чѣмъ наградить меня? Пусть добрые люди разсудятъ—скажутъ спасибо, а мы поблагодаримъ за доброе слово, наше дискать почтеніе, а напредки милости просимъ»,—сцена эта была сыграна съ полнымъ сочувствіемъ и, нѣтъ сомнѣнія, оставила въ зрителяхъ приятное и, можетъ статься, полезное впечатлѣніе.

Между «Русскій человекъ добро помнитъ» и водевилемъ «Вицъ-мундиръ», музыкою были исполнены три польки и кадрили. Исполненіе этихъ псесъ очевидно прошло удачнѣе первыхъ, ибо число инструментовъ наэтотъ разъ было достаточнѣе, чѣмъ для псесъ, болѣе сложныхъ.

Водевилъ «Вицъ-мундиръ» принадлежитъ къ тому разряду водевилей, о содержаніи которыхъ весьма трудно дать отчетъ, потому что они заключаютъ въ себѣ только притязанія заставить зрителей нѣсколько разъ улыбнуться насчетъ кухарки чиновника, самого чиновника и экзекутора того мѣста, гдѣ служить чиновникъ. Въ этомъ водевилѣ чиновникъ является разгильдяемъ выше всякой втроятности и мѣры, и носитъ даже фамилію Разгильдяева. Г. Щербаковъ, игравшій эту роль, сдѣлалъ изъ нея все, что можно сдѣлать изъ подобной роли. Весь интересъ водевиля основанъ на томъ, что бѣдный Разгильдяевъ, вслѣдствіе разсыанности, спрятавъ въ карманъ своего вицъ-мундира бумаги вдовы, по дѣламъ которой онъ взялся хлопотать, на пирушкѣ у пріятели объявляетъ свой вицъ-мундиръ. Въ чужомъ вицъ-мундирѣ онъ является къ своему директору департамента, а потомъ, въ довершеніе, какъ водится, перемѣшиваетъ записки такимъ образомъ, что записку о болѣзни своей отправляетъ къ вдовушкѣ, а записку съ извѣщаніемъ, по мѣрѣ умнья, нѣжныхъ чувствъ, отправляетъ къ экзекутору. Изъ этого выходитъ путаница, благодаря которой, пріятели Разгильдяева Гутаринъ объясняется въ любви, съ цѣлю вступить въ законный бракъ со вдовушкой, которая оказывается его старою знакомой. Такіе водевили вообще не клеятся и на самыхъ лучшихъ сценахъ, почему и естественно, что на домашнемъ спектаклѣ топографовъ въ «Вицъ-мундирѣ» были весьма рѣзко видны всѣ недостатки, съ которыми авторъ скроилъ этотъ водевилъ.

Послѣ «Вицъ-мундира» музыка сыграла прекрасный

вальсъ «Славянка» и два марша, изъ которыхъ одинъ маршъ — *Даринскій*, по музыкѣ и воспоминаніямъ знакомый всему Кавказу.

Затѣмъ былъ сыгранъ опять водевилъ «Средство выгонять волокитъ».

Рожковъ, порадочный и добрый, по недалеивидный малый, живетъ себѣ недурно: любить свою жену, возится съ дурую-служанкой, и не тужитъ. Къ нему является г. Лубанскій, университетскій его товарищъ, франтъ, объѣздившій Европу, нахалъ и фатъ. Рожковъ на первыхъ порахъ не замѣчаетъ дурныхъ сторонъ пріятели, а пріятели, между тѣмъ, успѣваетъ поселить раздоръ между суидругами; но его скоро разгадываютъ и суидруги сговариваются выгнать Лубанскаго изъ дому—*молчаніемъ*: молчаніе упорное и жестокое для господина, объѣздившаго всю Европу, заставляетъ его убраться вонъ.

Фаты, хлыщъ и даже спобсы сугъ типы, не легко подражаемые. Недостаточно только сочувствовать этимъ типамъ, желать принадлежать къ нимъ или слѣдить за ними и понимать все ихъ ничтожество, чтобы подражать имъ удачно.—Намъ случилось видѣть очень лукавыхъ джентльменовъ, которые, всеми силами желая олицетворить собою одинъ изъ этихъ типовъ, выдавали себя и въ обдуманномъ и разсчитанномъ подражаніи являлись мѣшанами во дворянствѣ. Здѣсь нужна практика и продолжительное знакомство съ князьями Митями, Сашами и Петями, или наконецъ съ Вихляевыми и подобными ему личностями, нуженъ навыкъ и большая *наглдность*. Если и при этихъ условіяхъ не всегда достигается возможность быть порядочнымъ хлыщомъ, спобсомъ или фатомъ, то понятно, что нахалъ-франтъ, объѣздившій Европу, миниатюрный Довъ-Жуанъ—Лубанскій не могъ произвести на театрѣ Топографовъ впечатлѣнія, предположеннаго авторомъ. Онъ явился скорѣе смѣшнымъ, нежели гнуснымъ да и смѣшное въ немъ было случайно. Впрочемъ, повторемъ, подобная роль не могла быть вполне понята и сыграна на сценѣ въ казармѣ; но, при всемъ томъ, можно утвердительно сказать, что весьма многіе изъ артистовъ провинціальныхъ, намъ знакомыхъ труппъ, не сыграли бы этого водевиля и такъ, какъ онъ былъ сыгранъ на театрѣ Топографовъ.

Послѣ этого водевиля опять были сыграны два марша и опять извилась занавѣсъ.

Предстоила четвертая и послѣдняя псеса: «Чумакъ-чародѣй». Содержаніе этого малороссійскаго водевиля слшшкомъ извѣстно: корчмаръ Сосиська уѣзжаетъ на ярмарку; жена его приглашаетъ къ себѣ на свиданіе цисаря съ почты, Пѣтушка. Пробѣжій чумакъ притворяется спашимъ и слѣдитъ за всѣмъ, что дѣлается въ корчмѣ. Возвращается Сосиська, и чумакъ объясняетъ ему, что «у него въ домѣ есть чортъ», беретъ съ Сосиськи деньги, а Пѣтушка заставляетъ бѣжать изъ-подъ стола, подъ которымъ онъ спрятался при появленіи Сосиськи. Бѣгство совершается удобно, потому что чумакъ обязываетъ Сосиську повернуться спиной къ дверямъ и столу, подъ которыми спрятанъ Пѣтушокъ. Чумакъ оказывается въ барышахъ, Маруся—жена корчмаря и Пѣтушокъ избавляются отъ бѣды, а Сосиська остается убѣжденнымъ, что черти не будутъ болѣе посѣщать его корчму. Вообще такъ называемыя національныя псесы бывають трудны для играющихъ. Надо отдать справедливость г. Лихачеву (Грицко-чумаку) въ томъ, что онъ, при весьма естественной игрѣ, умѣлъ сохранить пріемы, выговоръ и характеръ чумака. Онъ, что называется, не пересолнилъ, какъ г. Чоловскій въ роли Сосиськи или какъ г. NN въ роли Жида-фактора. Онъ былъ даже довольно втрень малороссійскому выговору, а голосъ его, полный и пріянтный, и довольно-правильное пнѣе сдѣлалъ роль Чумака весьма интересною.

Ой воды-жъ мой тай подывыя,
Дай чого-жъ вы подыхалы,
Эхъ дѣта-жъ мой тай молодыя,
Тай кудыжъ вы тай подывалыся.

и потомъ:

«Ой я чумакъ несчастливый
«Я чорта съ дому протурывъ»—

было пропѣто г. Лихачевымъ весьма хорошо и много содѣйствовало успѣху всей псесы.

Занавѣсъ опустилась и подъ звуки марша поѣстители стали расходиться. Было одиннадцать съ четвертью часовъ вечера, когда мы вышли на улицу. Холодная, но ясная ночь и недавній ощущение, казались, какъ-то противурѣчли окружающему. Свѣтъ луны давалъ возможность на-право и на-лѣво видѣть горы; за Курой были слышны звуки зурны и лезгинки. Словомъ, передъ нашими гла-

зами была Грузія; но не ея обыкновенный воздухъ дышали мы въ эту минуту и не фолдое зрѣніе воздуха теплое чувство несли мы въ душѣ нашей.....

Вліаніе сценическихъ искусствъ на человека признано несомнѣннымъ. И вотъ, какъ сказано нами въ началѣ, еще недавно мы переносились мыслію подъ Севастополь и Карсъ и воображеніемъ участвовали въ импровизированныхъ представленіяхъ нашихъ храбрыхъ солдатъ; а теперь мы возвращались съ домашняго спектакля Топографовъ. Воспитаніе и отдаленность отъ театра войны сдѣлали то, что побужденіе служить Мельпоменѣ осуществлено ими въ широкихъ размѣрахъ и въ такой степени, что игрой своеи, при всѣхъ ея недостаткахъ, они могутъ соперничать съ труппами, специально посвятившими себя искусству.

Для того, чтобы музыкѣ разучить игранныя ею псесы, чтобы игравшимъ разучить свои роли, чтобы нарисовать декорации и чтобы сдѣлать нѣсколько репетицій, нужно было не мало времени; и конечно, въ этихъ молодыхъ людяхъ, по собственному побужденію удивившихъ время отъ своихъ досуговъ, много любви къ искусству и много добрыхъ началъ. Кто же въ ихъ лѣта не нащелъ бы возможности провести свое свободное время, можетъ быть, менѣе полезно, но пріятнѣе, чѣмъ въ прѣготовленіяхъ къ спектаклю, который былъ затѣянъ по ихъ желанію. При томъ же, въ игрѣ ихъ выразилось столько сочувствія ко всему добруму, нѣкоторые изъ нихъ такъ удачно сыграли свои роли..... Нѣтъ, хвала и честь русскимъ подкамъ, стяжавшимъ новую, свѣжую славу на поляхъ Крыма и Анатоліи; хвала и честь находчивости русскаго солдата, умѣвшаго въ то же время быть веселымъ и разлекаться импровизированными представленіями; но также хвала и честь Начальству, ведущему наше юношество къ нравственному развитію и умѣющему внушить ему любовь къ изащному.

Такія мысли толпились въ головѣ, когда мы поровнялись съ домомъ Тифлискаго Собранія. Блнстательное освѣщеніе и звуки музыки напомнили намъ, что тамъ былъ балъ въ полномъ разгарѣ. Мы невольно обратили вниманіе наше, и черезъ окно могли разсмотрѣть нѣсколько танцующихъ паръ. Музыка играла польку. Какой-то адъютантъ танцовалъ съ дамой, одѣтой въ грузинскій костюмъ; ея блѣны въ золотыхъ звѣздахъ вуаль изъ-подъ *тавскараи* ложился на эпюлетъ кавалера. Въ слѣдующей парѣ весьма хорошенъкая дама въ русскомъ платьѣ танцовала съ адъютантомъ англійскаго генерала Виллиамса, плѣннымъ Англичаниномъ Тисделемъ, одѣтымъ въ краеный мундиръ съ золотымъ шитьемъ. Послѣдняя картина напомнила намъ, что мы въ Азіи и что отечество наше ведетъ гигантскую войну съ четырьмя державами....

И. Окнечь.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ФОРТЕПЬЯНО и МЕБЕЛЬ продаются на Ново-Институтской улицѣ, въ Сололакахъ, въ домѣ штабсъ-ротмистра *Саркисова*.

Парикмахеръ I. ХАРГДЗЕЛОВЪ имѣетъ честь извѣстить, что на Ханской улицѣ, въ домѣ Халатова, въ залѣ А. Шахназарова, желающихъ завиваютъ, стригутъ и брвютъ по добровольной платѣ.

3.

За отъездомъ продается наилучшей работы мебель: диваны, кресла, стулья, столы, зеркала, буфетъ, шкапы, кровати, портьеры, занавѣсы и пр., и фортепьяно. О цѣнѣ спросить въ домѣ Шахназарова, на Сололакской улицѣ, противъ квартиры генералъ-лейтенанта князя Андроникова.

3.

ПОСЛУЧАЮ ОТЪѢЗДА,

въ магазинѣ оптическихъ и галантерейныхъ товаровъ С. КНИМАНА и Комп. будутъ продаваться разныя дамскіе товары по самымъ дешевымъ цѣнамъ съ 19-го числа марта; магазинъ находится въ домѣ Зубалова на Эриванской площади.

2.

ПРИБЪХАЛИ: марта 21-го: изъ Кутаиса губернской секретарь *Абеловъ*, изъ Ставрополя прапорщикъ *Урбанскій* и *Окуньковъ*; 22-го: изъ Елисаветополя генералъ-майоръ *Лукашъ* и капитанъ *Хрещатинскій*, изъ Александрополя подковникъ *Лауда*, изъ С.-петербурга, подполковникъ *Рыкачевъ*; 23-го: изъ Александрополя генералъ-майръ *Ведениковъ*.

ВЫЪХАЛИ: марта 21-го: въ Тулу генералъ-майоръ *Броневскій*, въ Гори генералъ-майоръ *Базинъ*, подпоручикъ князь *Тарханъ-Моуравовъ*; въ Цивандами капитанъ князь *Чавчавадзе*, въ Елисаветополь капитанъ *Цераловъ*, въ Эриванъ подпоручикъ *Троновъ*; 23-го: во Владикавказъ майоръ *Лорисъ-Меликовъ*.

Метеорологическія наблюденія.

Мѣсяцъ и числа по старому стилю.	Часы.	Термометръ Р°.			Сырость воздуха.	Барометръ при 13 1/2 Р°. Русс. полушн.	Направленія вѣтра.	Состояніе неба.	Темпер. Реом.	
		Сухой.	Смоч.	Наи.					Наиб.	
20-го Марта.	7 утра.	+ 2.6	+ 0.6	0.61	564.05	СЗ. свѣж.	Пасмурно.	+ 2,0	+ 6,2	
	1 полноч.	+ 5.4	+ 1.7	0.40	565.01	СЗ. свѣж.	Обл. разс.			
	9 вечер.	+ 1.9	- 0.5	0.56	568.26	СЗ. свѣж.	Обл. мѣстн.			
21-го Марта.	7 утра.	+ 0.2	- 1.7	0.61	571.46	СЗ. оч. свѣж.	0 л. мѣстн. и жел. свѣт.	+ 0,0	+ 3,4	
	1 полноч.	+ 3.4	- 0.1	0.43	571.59	СЗ. оч. свѣж.	Обл. мѣстн.			
	9 вечер.	- 0.6	- 2.6	0.58	572.53	СЗ. свѣж.	Обл. на гориз.			
22-го Марта.	7 утра.	- 1.6	- 3.0	0.68	570.67	СЗ. оч. слаб.	Облачно.	- 2,8	+ 2,9	
	1 полноч.	+ 2.3	+ 0.4	0.63	568.31	ЮВ. оч. слаб.	Облачно.			
	9 вечер.	+ 1.0	- 1.4	0.55	568.27	СЗ. умѣр.	Обл. на гориз.			

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.